

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Золотое правило нравственности по Конфуцию

Аннотация. В статье рассматривается опыт теоретического и нормативного осмысления «золотого правила» в учении Конфуция. Данное правило интерпретируется как один из древних и типичных ответов на вопрос: «Что я должен делать?», обозначающий предметную область этики. Основной упор сделан на анализ того, как «золотое правило» связано с ритуалом и в какой мере его можно считать правилом взаимности. Автор связывает его с идеей автономии личности.

Ключевые слова: Конфуций, «золотое правило», снисхождение, взаимность, ритуал, добродетель, Кант.

Как известно, Кант выделил три вопроса, ориентирующих на последние цели человеческого разума: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?». Он относил их к более общему вопросу: «Что такое человек, полагая?», что в своей философски осмысленной целостности они дают ответ на него [1, 232]. В этом рассуждении Канта важны и сами первые три вопроса и их отнесенность к четвертому вопросу. В первых трех фиксируются начальные атрибутивные измерения человеческого бытия, составляющие пространство применения разума, а именно: познание, деятельность, вера. Одновременно в них формулируется задача определения границ, возможностей разума в каждой из этих сфер в качестве условия адекватности его применения. Их соединение в четвертом вопросе означает, что они суть моменты одного и того же человеческого разума. Дело не только в том, что в реальном опыте сознательной жизни познание, деятельность и вера никогда не существуют порознь, они изначально и неразрывно связаны между собой. Не менее важно и другое: каждый из этих трех аспектов, рассмотренный сам по себе в его аналитической выделенности, не может быть адекватно понят вне его соотношенности и конкретной связанности с двумя другими.

В рамках этики для нас важен второй вопрос («что я должен делать?»), выделяющий ее предметную область – деятельность (сфера человеческих поступков) в качестве одного из аспектов человеческого бытия, подотчетного разуму и требующего осознания пределов возможностей последнего. Этим вопросом охватывается в качестве этического тот аспект человеческого бытия, который зависит от самого действующего индивида, его решения делать то, что он

делает. Одним из самых древних, широко распространенных и глубоких ответов на него является правило, получившее впоследствии название «золотое». Объединенное в своей негативной и позитивной формулировках, оно звучит следующим образом: (не) поступай так, как ты (не) хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе.

«Золотое правило» присутствует во всех великих культурах, дошедших до наших дней и составляющих цивилизационное богатство человечества. По всей вероятности в каждой культуре оно возникало каждый раз заново. Его происхождение возводится к общепризнанным учителям мудрости и описывается в качестве одного из важнейших нравственных уроков, который они преподают в ходе ответа на вопрос, чем следует руководствоваться в своей жизни человеку, который хочет прожить ее правильно. Рассмотрим один из первых опытов его теоретического и нормативного осмысления, связанный с именем Конфуция (551-479 до н.э.).

* * *

В знаменитом собрании суждений и бесед Конфуция «Лунь Юй» читаем: «Цзы Гун спросил: Существует ли одно такое слово, которым можно руководствоваться всю жизнь? Учитель ответил: Это слово – снисхождение. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе» (15:24). Шу – это одна из важнейших категорий конфуцианской этики, придающих ей внутреннюю целостность. Она, согласно ставшему общепринятым мнению Цзэн-цзы, одного из самых любимых и талантливых учеников Конфуция, является важнейшей конкретизацией пути Учителя. «Учитель сказал: Цзэн! Мой Дао-Путь пронизан единым. Цзэн-цзы ответил: Воистину! Когда Учитель вышел, ученики спросили: Что это значит? Цзэн-цзы ответил; Путь учителя включает лишь два понятия: чжун – верность и шу – снисхождение» (4, 15). Если верность понимать как верность государю, основную политическую добродетель, то снисхождение («золотое правило»), задающее отношение к людям, выступает как основная нравственная добродетель. Мудрость Конфуция заключалась в органичном соединении политики и морали, иерархичности отношений между людьми с их взаимной уважительностью. Соответственно правило, задающее основ-

* Термин «Шу», переведенный Л.С.Переломовым как «снисхождение», смысл которого раскрывается в сформулированном правиле и которое в этом смысле является его обозначением, другими авторами переводится на русский язык как «взаимость», «великодушие», «сострадание», «забота о людях», «совесть».

ную моральную установку человека и диспозицию его отношения к другим людям, являлось одной из опор конфуцианского мировоззрения.

Конфуций не только выделил «золотое правило», дав его лаконичную формулу, одновременно он обозначил его центральное место в моральном становлении человека. Это место определялось тем, что правило указывает путь, направление сознательных человеческих усилий, нацеливает человека на нравственное совершенствование. Оно имеет в виду не какие-то конкретные действия, а общее основание их выбора. Важно подчеркнуть: речь шла не о выработке какого-то определенного психологического навыка или усвоении логического приема, которые, однажды усвоенные, позволяли бы находить правильные решения в трудных ситуациях. В этом отношении примечателен следующий диалог: «Цзы Гун сказал: Я не хочу, чтобы люди обманывали меня, и сам я также не буду обманывать людей. Учитель сказал: Цзы! Ты никогда не добьешься» (5, 12). Скептическое утверждение учителя в данном случае вряд ли можно трактовать как сомнение в личных способностях Цзы Гуна, одного из самых его талантливых и преданных учеников. Оно касается понимания существа дела. Его можно понять так, что смысл «золотого правила» нельзя сводить к процедуре выравнивания требований к себе и другим, как делал Цзы Гун, вообще нельзя трактовать как некое искомое состояние. Конфуций подчеркивает тот наиважнейший момент, согласно которому нравственность и «золотое правило» как ее квинтэссенция означает постоянное душевное бодрствование, такую нацеленность на совершенствование, при которой никогда нельзя сказать: я достиг цели. Конфуций избегал ответа на вопрос, кого можно назвать человеколюбивым и благородным мужем, полагая, что это труднодостижимо. Описывая собственный путь нравственного развития, он отметил, что только в семьдесят лет смог добиться того, чтобы соблюдение правил и следование желаниям сердца находились в согласии друг с другом.

Снисхождение («золотое правило») наряду с верностью, как отмечалось, образуют единую основу всего этико-политического учения Конфуция. Верность характеризует добродетельность поведения в том, что касается общественной вертикали, отношений человека как нижестоящего к вышестоящим (подданного к государю, детей к родителям, младших к старшим и т.д.). «Золотое правило» задает линию добродетельного поведения в том, что касается общественной горизонтали, отношений человека к другим людям в многочисленных постоянно меняющихся непосредственных жизненных ситуациях. Оно ориентирует на то, чтобы человек во всех ситуациях оста-

вался ответственным субъектом действия, который независимо от людей и обстоятельств не делает другим того, чего себе не желает, при всех ситуациях сохраняет нравственную цельность. В этом отношении примечателен один эпизод из жизни Конфуция и его общины. Он с учениками, как известно, много путешествовал, переходя из одного царства в другое; однажды во время такого перехода они, попав в зону военного конфликта, оказались в плену, были лишены возможности передвижения и остались без пищи. Ученики, изнуренные голодом, болезнями, начали падать духом, сам же Конфуций сохранял обычную бодрость, делал наставления, читал на память старинные тексты, пел песни, не видел оснований для уныния. Тогда состоялись примечательные беседы между ним и учениками о том, почему они оказались в такой беде, которую навлекли на них другие люди, не свидетельствует ли она об ошибочности учения, и как себя вести в таком положении. Одна из них, резюмирующая всю конфликтную ситуацию, воспроизведена в «Лунь Юйе»: «Во время пребывания в Чэнь иссякло продовольствие. Все сопровождавшие, изнуренные голодом, не могли подняться. Цзы Лу раздраженно спросил: Может ли благородный муж оказаться в безвыходном положении? Учитель ответил: Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным» (15:3). «Золотое правило» и есть правило, которое нацеливает на внутреннюю стойкость, а не на внешние правила, даже если сами по себе они являются совершенными. В описанном эпизоде среди сопровождавших был и Цзы Гун. Он, как пишет Сыма Цян в своем подробном рассказе об этом, на вопрос учителя о причине их несчастья ответил, что, видимо, поучения учителя слишком возвышенны и надо снизить требования. Конфуций на это сказал, что крестьянин может отлично засеять поле, но это не значит, что он соберет урожай. Также «совершенно мудрый в состоянии улучшить свои поучения, составить строгие правила и записать их, обобщить и привести в порядок все это, но он не в состоянии добиться того, чтобы люди все это приняли. Сейчас, если ты не сумеешь усовершенствовать свои основы, но будешь требовать их принятия, то твои устремления, Сы, не исполнятся!» (3, 142).

Тема «золотого правила» в сочинении Конфуция разворачивается в драматический сюжет. Она обсуждается главным образом в беседах с Цзы Гуном: в ответе на его вопрос Конфуций формулирует «золотое правило» и в беседе с ним уточняет понимание правила как самосовершенствования. Конфуций называет Цзы Гуна среди десяти своих самых способных учеников, но способным не в осуществлении добродетели, не в государственных делах, не в вопросах культуры, а

в риторическом отношении, в умении вести диалог (11:3). Видимо, у него была склонность преувеличивать роль внешнего убеждения, собственно нормативного регулирования. Конфуций предостерегает его против такого одностороннего преувеличения движущих сил нравственного развития. В описанном выше эпизоде, когда бедственное положение повергло некоторых учеников в уныние, как пишет Сыма Цянь, «внешность Цзы Гуна тоже изменилась. Конфуций спросил его: «Сы, многому ли ты научился у меня и многое ли познал?». Цзы Гун ответил: «Разумеется, а разве не так?» Конфуций заметил: «Не так. Я передал тебе одну лишь основу, чтобы с ее помощью проникнуть во все остальное» (3,141). Еще одно свидетельство Сыма Цяня говорит об этом различии между внешней правильностью морального критерия, к чему имел склонность Цзы Гун, и драматизмом внутренней моральной ответственности, направлявшей Конфуция. В одном жизненном эпизоде люди, силой удерживавшие Конфуция, предложили отпустить его при условии, что он не направится в Вэй. «Так они договорились, и Конфуций был выпущен через восточные ворота. Однако Конфуций все же отправился в Вэй. Цзы Гун спросил его: «Разве можно было нарушать договор?» На эти слова Конфуций ответил: «Соглашению, заключенному под угрозами, духи не следуют» (3,137). Ритуал следования Правилам – основа основ учения Конфуция. Но сами правила китайский мудрец понимал не только как безусловное следование их букве, он связывал следование им с желаниями сердца, с собственным выбором человека, который соблюдает их так, как если бы они были его собственными установлениями. Без одухотворения политики нравственной добродетелью точно так же, как без развертывания нравственной добродетели в ритуал, без этого взаимопереплетения одного с другим не будет ни благоустроенного государства, ни индивидуального человеческого благородства. «Верность [верхам] и снисходительность [к низам] ненамного отстоят от Дао. Чего себе не желаешь, того не делай и другим» (5,132), сказано в сочинении «Чжун Юн», продолжающем традиции «Лунь Юйя» и написанного, как считается, внуком Конфуция Кун Цзи (483 – 402 до н.э.). «Золотое правило» в этом движении по пути Дао, движении к человеколюбию, ответственно за то, чтобы оно, это движение, было искренним, выступало как собственная добродетель человека. «Янь Юань (заметим, один из самых способных учеников в отношении добродетели – А.Г.) спросил о человеколюбии. Учитель ответил: Преодолеть себя и вернуться [в словах и делах] к Правилам... Человеколюбие зависит от самого человека. Как оно может зависеть от других людей? Янь Юань вновь обратился: Прошу рассказать как этого добиться. Учитель ответил: Нельзя смотреть на то,

что не соответствует Правилам; нельзя слушать то, что не соответствует правилам; нельзя говорить то, что не соответствует правилам; нельзя делать то, что не соответствует Правилам» (12:1). Еще о том же, теперь в беседе с Чжун Гуном, тоже выделенным в качестве способного в отношении добродетели: «Вне дома относись к людям, словно встретил важных гостей. Используя народ, веди себя, словно совершаешь большое жертвоприношение. Не делай человеку того, чего не пожелаешь себе. Не допускай вражды в государстве, не допускай вражды в семье» (12:2).

Единство верности и снисходительности, ритуала и добродетели, говоря более обобщенно – неразрывность политики и морали составляет замечательную особенность мировоззрения Конфуция, его срединного пути. «Золотое правило» не представляет собой одно из ритуально оформленных отношений в обществе, оно имеет отношение к ритуалу в целом, являясь выражением его одновременной (наряду с внешней заданностью) внутренней укорененности в самом действующем индивиде. Оно говорит о том, что человек правильно исполняет задаваемые ритуалом действия тогда, когда он исполняет их не в порядке принуждения, даже если речь идет о самопринуждении, а как выражение и продолжение собственных желаний. В этой связи следует заметить, что охватываемое «золотым правилом» отношение человека к другим людям – не обычное двустороннее отношение, соединяющее различных по своему статусу и общественной роли индивидов во взаимной пользе. Отличие состоит в том, что ритуал всегда взаимен, в нем одна сторона всегда предполагает другую сторону в ее отличии и задаваемой этим отличием связанности с ней. Важнейшей основой ритуала в конфуцианском понимании является исправление имен: «Правитель должен быть правителем, чиновник – чиновником, отец – отцом, сын – сыном» (12:11). Он держится на том, что каждая сторона в ассиметрии общественных отношений ведет себя в соответствии со своим назначением (именем), поддерживая эту ассиметрию и идя тем самым навстречу другой стороне. «Учитель сказал: Если правитель ведет себя правильно, то дела идут и без приказов. Если же правитель ведет себя неправильно, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов ни издавалось» (13:6). Правильное поведение состоит в том, чтобы, будучи правителем, думать о подданных, соединиться с ними в различии и через различие. Отношение, лежащее в основе «золотого правила» иное: оно направлено не на других в их своеобразии, а на самого себя. Говоря точнее, отношение к другим реализуется через отношение к самому себе. Оно нацеливает на то, чтобы рассматривать других не в отличии, а в их единстве с самим действующим индивидом и

потому самому быть наилучшим, блокируя желания сердца, которые не соответствуют ритуалу. В этой связи интересным является вопрос о том, в какой мере следование «золотому правилу» предполагает в качестве условия своей адекватности воображаемый обмен ролями.

У Конфуция есть развернутое рассуждение об этом. Цзы Гун спросил его, можно ли назвать человеколюбивым того, кто, «щедро одаривая народ, помог бы всем достичь благосостояния»? Конфуций ответил, что его можно назвать не только человеколюбивым, но и совершенномудрым: «Что же такое человеколюбие? Если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах. Если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого они шли хорошо. Такой [человек] способен стать примером. О нем можно сказать – овладел искусством человеколюбия» (6:30). Это рассуждение ценно тем, что оно распространяет логику «золотого правила» также на позитивные действия, а не только на запреты, как это предписывается его основной формулой. Позитивные действия принципиально не поддаются выравниванию, ибо речь идет о действиях разных индивидов. Именно на их примере лучше можно понять, в какой мере механизм «золотого правила» можно интерпретировать как взаимность, и в чем заключается такая взаимность. Следование запрету, когда человек не делает того, чего не желает себе, очевидным образом оставляет пространство его отношений с другим, открытым для нравственного сотрудничества. Выключая себя, даже если представления о недозволенных действиях являются ложными, человек дает место другим. В этом смысле «золотое правило» в негативной формулировке всегда потенциально взаимно. Позитивные же действия всегда означают активное воздействие на другого, и проблема заключается в том, как это воздействие удержать в поле нравственности. Общий ответ Конфуция, как мы видели, состоит в следующем: поле нравственности задается ритуалом, и необходимо, чтобы следование ритуалу было не только извне заданной обязанностью человека, но и его добродетелью, чему и служит «золотое правило». Что касается того, в какой мере усилия человека, направленные на то, чтобы привести ритуал в согласие с желаниями сердца, зависят от него самого, а в какой являются отраженным следствием действий других и, следовательно, в какой мере он должен выправить свое собственное поведение, а в какой направить усилие на нравственное совершенствование других, то позиция Конфуция склоняется в сторону, которую, если говорить привычным нам современным языком, можно обозначить как автономию воли. Морально совершенный человек (Благородный муж по Конфуцию), которого «даже на время трапезы не покидает человеколюбие», ха-

рактируется тем, что он не винит других: «Благородный муж требователен к себе, маленький человек требователен к другим» (4:5; 15:21). «Золотое правило» исходит из такой же логики: человек совершенствуя себя, служит образцом для других, точно так же, как и другими интересуется для того, чтобы чему-то научиться у них. О «золотом правиле» как правиле взаимности можно говорить именно в этом смысле: развивая себя в моральном отношении, человек задает пример, образец другим и именно таким неявным образом воздействует на других. Это не значит, что вообще не существует других форм воздействия одного человека на другого, в том числе и прямых требований, инвектив и т.п. Речь идет о моральных формах связи между ними: они осуществляются через собственный пример. «Золотое правило» ориентирует именно на это, на то, чтобы исправлять себя. «Учитель сказал: Когда [нас] трое в пути, то каждый из двоих [спутников] может стать моим наставником. Я выбираю хорошее и следую ему, плохое же служит предостережением и помогает исправиться» (7:23).

Таким образом, «золотое правило», как его понимает Конфуций, предполагает обмен ролями в воображении, когда человек мысленно ставит себя на место другого, входит в его положение, как бы смотрит на себя его глазами; богатую картину того, как осуществляется такое сравнение себя и других на основании классических и неоконфуцианских источников реконструирует Дж. Уолтз в своей книге «Золотое правило» [4, 55-59]. Для понимания его сути, однако, важна не сама по себе эта психологическая процедура, которая имеет широкое коммуникативное значение, а то, что она культивируется человеком для того, чтобы, если воспользоваться словами, которыми открывается «Лунь Юй», «учиться и своевременно претворять в жизнь»(1:1).

Список литературы

1. *Кант И.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
2. *Конфуций.* Лунь Юй // Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь Юй». М.: «Восточная литература» РАН, 1989.
3. *Сыма Цянь.* Исторические записки: («Ши цзи»): Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Наука. «Восточная литература», 1992.
4. *Уолтз Джеффри.* Золотое правило / Пер. О.В. Артемьевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007.
5. *Чжун Юн.* Следование середине / Пер. А.Е. Лукьянова // Конфуцианское «Четверокнижие». М.: «Восточная литература», 2004